

зования — кажутся целостной программой, неуслышанным предостережением и возможным выходом. Особенного сегодня.

На самом деле спор Фета с Толстым был, вероятно, борьбой двух ретроспективных утопий.

Любопытен взгляд со стороны младшего современника помещиков Толстого и Шеншина, соседа по имению фетовского племянника, записавшего его рассказ. «Мой сосед В. Н. Семенович рассказывал мне, что его дядя Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет. Харкнет и плюнет: тьфу! Кучер так привык к этому, что всякий раз, проезжая мимо университета, оставался»¹.

Запись сделана в любимой чеховской форме: непритязательного анекдота, за которым открывается психологическая глубина. Некто плюет на альма-матер, который он когда-то окончил. То, что харкает «известный лирик», придает истории дополнительный иронический оттенок. Если же вспомнить о его происхождении (о чем Чехов, наверное, знал), сюжет приобретает новые тона.

За два года до этой записи Чехов публикует рассказ «В усадьбе», в котором мелькает тень «фетовщины», — о бородатом «дарвинисте» с большой длинноволосой благообразной головой, напоминающей «архиерея или маститого поэта», который увлеченно развивает идеи о преимуществах «белой кости» перед всякими там «чумазыми», кухаркиными и дьячковскими детьми. «Возьмите вы нашу матушку-Расею... Кто ее лучшие люди? Возьмите наших первоклассных художников, литераторов, композиторов... Кто они? Все это, дорогой мой, были представители белой кости. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой — не дьячковские дети-с! — Гончаров был купец, — сказал Мейер. — Что же! Исключения только подтверждают правило. Да и насчет гениальности-то Гончарова можно еще сильно поспорить»². Парадокс в том, что дремучего, озлобленного, одинокого старика (даже дочери кличут его «жабой») часами выслушивает как раз образованный и воспитанный сын простого рабочего.

Явление Чехова, внука крепостного,

сына разорившегося неудачника-купца, без всяких подпорок, собственными усилиями поднявшегося к вершинам культуры, никак не укладывалось в фетовскую иерархическую картину мира. Для него социальные и психологические барьеры представлялись необходимыми, благотворными и неизбежными. «Дикий народ не может иметь истории, и никто извне не может его заставить иметь, чего нет. Плесень народа не может иметь, то есть не должна иметь повествователя. А наши бывшие дворовые менее самых отвратительных негров (зри дядю Тома) имеют право на перо первоклассного писателя. Мужики — другое дело, — они хоть варвары — но люди. Дворовые — не люди и никому не понятны в одежде претензии на людей», — выговаривает он Толстому вскоре после реформы по поводу повести «Поликушка»¹.

Впрочем, тщетность своих надежд и упований понимал временами и он сам. Расчет на среднепоместное дворянство как особую социальную группу, его цивилизующую роль, был сродни пушкинским сожалениям об утрате ведущей роли родовой аристократии и толстовским надеждам на не испорченного городом мужика (мужика вообще, уже в силу его происхождения). Образ строгого, но справедливого хозяина-фермера, слуги царю, отца крестьянам (теперь уже свободным) он кроил с себя. Между тем фетовские работоспособность, предприимчивость, тяга к новому (помимо прочих хозяйственных подвигов, он изобрел зерносушилку), законопослушность были скорее исключением, чем правилом. «Не в том беда, что наше дворянство утратило сословные права, а в том, что оно ничего не хочет знать, кроме минутной прихоти, хотя бы на последний грош... У всех у нас потомственная и, так сказать, обязательная кормилица-земля под ногами, но мы не только не хотим трудиться на ней, но не хотим даже хладнокровно обсудить условий, при которых земледельческий труд возможен»².

Обсуждать серьезные, коренные проблемы русской жизни, «вырвать такие основные вещи из рук семинаристов»,

¹ Письмо Л. Н. Толстому от 11 апреля 1863 г. // Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 363.

² Письмо С. А. Толстой от 23 января 1888 г. // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 308—309.

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. М., 1980. Т. 17. С. 221.

² Чехов А. П. Соч. Т. 8. С. 335.